Санами Такахаси

# Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области

## Введение: послевоенное общество и новая религиозная политика

Несмотря на то, что многие современники либо непосредственно участвовали в проведении атеистической пропаганды или религиозных обрядах, либо были их свидетелями, до сих пор мало изучено действительное положение религии и атеизма в советском обществе послевоенного периода. По сравнению с периодом политического террора, стоившим церкви многих человеческих жизней, утраты церковного имущества и религиозных традиций, хрущевское и брежневское время представляется относительно спокойным, если не принимать во внимание антирелигиозную кампанию 1959–1964 гг. Исследование религиозных практик данного периода является, тем не менее, важной задачей как само по себе, так и поскольку его результаты содействуют более глубокому пониманию роли религии в постсоветском российском обществе[1].

Повседневная жизнь данного периода в последнее время стала привлекать внимание исследователей советской культуры. Важной работой в данной сфере является монография А. Юрчака, который оспаривает «постоянное использование бинарных оппозиций для описания советской действительности — таких, как подавление и сопротивление, свобода и несвобода, официальная культура и контркультура, официальная экономика и вторая экономика, тоталитарный язык и контръязык, публичная субъектность (*public self*) и частная субъектность (*private self*), реаль-

1. См. *Фурман Д., Каариайнен К., Карпов В.* Религиозность в России в 90-е гг. XX — начале XXI//Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. М., СПб.: Летний сад, 2007.

ное поведение и притворство (*dissimulation*) и так далее»[2]. Он показывает повседневную жизнь периода позднего социализма (особенно в 1960–1980-е годы), когда люди участвовали в таких «ритуальных актах» социализма как комсомольские собрания и выборы, и подчеркивает, что эти акты нельзя интерпретировать буквально. Они давали новую возможность «жить легко и весело», по словам Юрчака, жить «вне»[3].

Для того чтобы понять проблематику «советского субъекта» и его отношения к общественной жизни, немаловажно обратиться к вопросам религии и атеизма. В свое время академическое изучение религии и атеизма развивалось в сфере, где ведущую роль играли Институт научного атеизма в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Государственный музей истории религии и атеизма и другие специальные организации. Несмотря на непременное упоминание основных положений марксистско-ленинской идеологии и употребление специальной лексики, характерной для того времени, научные работы сотрудников упомянутых организаций содержат немало материала, полезного для характеристики советского общества. Сегодня эти работы активно пересматриваются[4], с их помощью объясняется деятельность и самих этих институтов, и, в конечном итоге, история развития советского «религиоведения» как такового[5]. В результате обнаруживаются различные примеры того, как проводилось

2. *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton University Press, 2006; *Юрчак А.* Поздний социализм и последнее советское поколение//Неприкосновенный запас. 2007. №. 2 (52) (http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ur7.html).
3. *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More. P.145-146.
4. См. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения/Сост. и общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Ч. 1-4: Институт научного атеизма — Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. М.: ИД «МедиаПром», Изд-во РАГС, 2009.
5. *Зуев Ю.П.* Институт научного атеизма (1964–1991)//Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Ч.1. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 9-36; *Шахнович М.М.* Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006; *Смирнов М.Ю.* Очерк истории российской социологии религии. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008; *Аринин Е.И.* Вопрос о происхождении и современном развитии российского религиоведения//Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. №1. С. 93-97; *Костылев П.Н.* Российское религиоведение: вчера, сегодня, завтра (материалы Международной научной конференции «Свобода религии и демократии: старые и новые вызовы», Киев, август 2010 г.) (http://www.religiopolis.org/documents/850-pn-kostylev-rossjskoe-religiovedenie-vchera-segodnja-zavtra-materialy-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferentsii-svoboda-religii-i-demokratii-starye-i-novye-vyzovy-kiev-avgust-2010.html).

атеистическое воспитание и как понималась сама религиозность. В частности, следует отметить, что «религия», как правило, отождествлялась с церковными институтами, тогда как интерес к религиозности вне религиозных объединений в советском религиоведении практически отсутствовал.

По замыслу партийных лидеров атеизм должен был охватить наиболее широкое поле общественной и личной жизни. Общая картина советского атеизма в период позднего социализма была показана в работе Д. Пауэла, в которой подробно описаны такие фазы проведения атеистической пропаганды, как издание новых постановлений о проведении атеистической работы, введение новых социалистических обрядов, образование в школах, вузах, клубах и т. д.[6] Однако Пауэлл не упоминает об изменении терминов, используемых в официальных документах.

«Научный атеизм» был новым понятием, объединившим систему идей, институтов и конкретных мер, возникших в послевоенные годы после критики ошибок прежней «антирелигиозной» пропаганды. Термин «научный атеизм» впервые появился в постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 года. В данном постановлении читаем: «покончить с запущенностью антирелигиозной работы, развернуть нацчно-атеистическую пропаганду». В действительности продолжались агрессивные нападки против церкви и не чувствовалось разницы между «антирелигиозной работой» и «научно-атеистической пропагандой». Однако часть советских идеологов придерживалась толкования «научного атеизма» не как «антирелигиозной работы». Чуть позже в постановлении ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 года вновь была подчеркнута важность проведения пропаганды на новом идейно-научном уровне, критиковались оскорбительные выпады и административное вмешательство в адрес верующих и духовенства. Примечательно, что термин «научный атеизм» возникает в 50-е годы почти одновременно с термином «научный коммунизм». После эпохи сталинизма эпитет «научный» считался утверждением объективного характера того и ли иного раздела идеологии.

6. *Powell D. E.* Antireligious Propaganda in the Soviet Union: A Study of Mass Persuasion. Cambridge: The MIT Press, 1975.

Безусловно, нельзя забывать и о том, что через несколько лет Хрущев приступит к открытым репрессиям против религии. Одновременно, как известно, осуществлялось быстрое освоение космоса, которое советская власть пыталась использовать для утверждения и распространения атеистической социалистической космологии[7]. В этом контексте утверждалось, что только наука может нести человечеству истину. Наука и техника должны были искоренить веру в сверхъестественные силы.

В то же время нельзя не обратить внимания на то, что в советском обществе при Хрущеве начала развиваться культура массовых развлечений и складываться своеобразный тип общества потребления. Вместе с развитием массового туризма, создавались музеи-заповедники в древних городах. Ранее закрытые церкви и монастыри превращались в музеи, которые, как считалось, привлекали посетителей своими архитектурными особенностями, эстетической ценностью и историей, но не религиозным значением.

Можно заметить многосторонность мер, предпринимавшихся против религии со стороны «научного атеизма». Во-первых, особенно в отношении Русской православной Церкви (РПЦ) религиозные (или атеистические) мероприятия в области политики и личной жизни сильно отличались друг от друга. В период позднего социализма государственно-церковные отношения характеризуются компромиссом. Вступив во Всемирный Совет Церквей, т. е. международную экуменическую организацию, Русская Церковь стремилась к укреплению своего влияния на мировом арене[8]. В области внешней политики Русская Православная Церковь активно выступала в роли горячего патриота советской Родины. Таким образом, мы можем отметить как государственный контроль и стремление к использованию Церкви, так и попытки сохранения своего влияния со стороны РПЦ. Одновременно, несмотря на то, что советская конституция гарантировала право «отправлять религиозные культы», у верующих отсутствовало право вести религиозную пропаганду и многие люди испытывали притеснения в вопросах крещения детей, празднования

7. *Smolkin-Rothrock V.* Cosmic Enlightenment: Scientific Atheism and the Soviet Conquest of Space//Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture in Post-Stalinist Russia. University of Pittsburgh, 2011. P. 161.

8. *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды 1700–2005. М.: Издание Сретенского монастыря, 2006. С. 490-547; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. С. 314-331.

религиозных праздников, посещения церкви и т. д. Стереотипом верующего человека являлась старая безграмотная деревенская женщина, которая не обладает научным знанием и материалистическим мировоззрением. Религиозная вера и практика мешали, таким образом, сделать хоть какую-то карьеру в советском обществе. Большинство советских людей считало поэтому, что следует скрывать свою религиозную принадлежность.

Иными словами, «религия» как вера в сверхъестественное должна была быть уничтожена, однако «религия» как институт, т. е. как Русская Церковь, должна была играть свою определенную роль во внутренней и внешней политике СССР. Невозможно рассматривать РПЦ в качестве института «официальной религии», занимающей определенное место в общественной и государственной жизни[9]. При этом важно отметить, что в течение данного периода государственная политика по отношению к религии распадалась на два направления. Одним из них являлся *контроль* над религией и *использование* ее на официальном уровне, другим — *давление* на религию и *устранение* ее проявлений из общественной и частной жизни.

Для того чтобы внимательно проанализировать эти два аспекта и их соотношение, возьмем в качестве примера посещение определенных мест — туристический объект и место неорганизованного паломничества. В данной статье мы рассмотрим разные уровни политических отношений к религиозным объектам и реакций верующих на примере Владимирской области, где впервые в СССР был создан «туристический центр» и, в то же время, сохранилась относительно высокая религиозность населения.

## Краткий обзор религиозности Владимирской области

Город Владимир впервые упомянут в «Повести временных лет» в 1108 году, в связи с чем город в 1958 году отметил свое 850-летие. В 1157 году в правление князя Андрея Боголюбского г. Владимир стал новым политическим центром Северо-Восточной Руси. Период наибольшего расцвета города пришелся на XII — XIV вв., когда он был одним из автономных княжеств Киевской Руси; он был признан Золотой Ордой «стольным градом»; этот официаль-

9. См. *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

ный статус был подкреплен переносом в него резиденции митрополита из Киева в 1299 году.

В 1325 году митрополит Петр переселился из Владимира в Москву, что было решающим событием для роста гегемонии Московского княжества. Тем не менее, Владимир не потерял своего исторического и религиозного значения. Церкви и монастыри в нем продолжали строиться и поддерживали свою репутацию благодаря покровительству бояр и крупных купцов. Богатства церковной архитектуры сохранились здесь относительно лучше, чем в других городах, и даже в советский период привлекали туристов.

Современная Владимирская область сохранила не только церковную архитектуру, но и другие региональные особенности. Особого упоминания заслуживает высокий процент этнических русских православного вероисповедания. Первая перепись населения Российской империи 1897 года показала, что этнические русские составляли 99.74% всех 1,511,729 жителей Владимирской губернии (поляки — 0.78%, евреи — 0.75%, немцы — 0.4%, татары — 0.27%)[10]. До сих пор процент этнических русских в населении Владимирской области остается выше (94.7%), чем в среднем по Российской Федерации (79.8%)[11]. В 1860 г. на территории Владимирской губернии насчитывалось 1,209,500 православных христиан, 12,800 староверов, 2,500 единоверцев, 526 католиков, 227 протестантов, 223 иудеев и 15 мусульман[12].

Относительно более высокая моноэтничность и моноконфессиональность по сравнению с другими областями России сохранилась здесь, несмотря на бурные перемены XX века. Как будет показано далее, православные традиции, праздники и обряды естественным образом были глубоко связаны с повседневной жизнью народа и советская власть вынуждена была с ними бороться. Тем не менее, в период позднего социализма Владимирская епархия относилась к Советской власти относительно лояльно. Историческая специфика этого региона, как одного из основных центров формирования российской государственности, приобрела

10. Цифры приведены автором в соответствии с данными в статье: *Минин С. Н.* Условия, определяющие формирование и деятельность религиозных сообществ Владимирского края//Свеча-2010: Материалы международной конференции. Владимир, 2010. С. 223.

11. Народы России: Атлас культур и религий/Отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Журавский, О. А. Казьмина. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. С. 44.

12. *Минин С. Н.* Условия, определяющие формирование и деятельность религиозных сообществ Владимирского края. С. 223.

важное патриотическое значение в обществе, что было связано с общим ростом «заказа» на патриотизм как на уровне правящего режима, так и среди населения в целом.

В связи с этим, нельзя не обратить внимания на повышение интереса в обществе к памятникам истории и культуры со второй половины 1960-х годов. В 1967 году советское правительство приняло решение создать первые туристические центры в гг. Загорске и Суздале, в которых советским и иностранным туристам показывали древнерусскую церковную архитектуру[13]. Это означало, что местные музеи должны были сыграть важную роль в привлечении интереса населения к истории и культуре Родины, в повышении патриотизма, в демонстрации иностранным туристам свободы совести в СССР и в то же время — в распространении научного атеизма. Кроме того, не следует забывать, что туризм во вновь открытых центрах древнерусской культуры был источником иностранной валюты. Во Владимирской области государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник взял на себя инициативу использования церковного наследия для развития патриотизма и научного атеизма. В данной статье мы возьмем в качестве первого примера Свято-Успенский кафедральный собор, который открылся для верующих в 1944 г. и одновременно стал важным туристическим объектом Владимиро-Суздальского музея-заповедника. После празднования 600-летия со дня рождения Андрея Рублева в 1960 году Успенский собор начал привлекать особое внимание, поскольку внутри собора сохранились фрески Рублева.

В тоже время необходимо обратить внимание на относительно высокую религиозность населения области. В 1965 г. в докладе Совета по делам РПЦ мы читаем, что «Владимирская область в прошлом, как известно, была не только политическим, но и религиозным центром России. (...) Все это не могло не наложить определенного отпечатка на некоторую часть населения»[14]. В качестве примера, иллюстрирующего эту сохранявшуюся высокую религиозность, мы проанализируем появление и развитие такого специфического феномена как «так называемые святые места». В период позднего социализма Совет по делам религии (СДР)

13. Постановление Совета Министров СССР от 1 августа 1967 г. № 735 и Совета Министров РСФСР от 11 сентября 1967 года № 693 «О создании туристического центра в городе Суздале».

14. Государственный архив Владимирской области (ГА ВО). Ф. П-830. Оп. 3. Д. 1073. Л.19-20.

по Владимирской области обнаружил девять «так называемых святых мест», из которых по меньшей мере три «места» возникли в советское время. Верующие сами организовывали паломничества в эти места и основывали там источники со святой водой. В 1970–80-х гг. в СДР часто сообщали о таких случаях, в результате чего эти места насильственно разрушались с помощью «административных мер». Таким образом, нашим вторым примером, наряду с Успенским Собором, будет одно конкретное «так называемое святое место» в селе Синжаны Меленковского района, а также административные меры, принимавшиеся к нему руководством региона.

## Церковь и/или Музей? «Борьба» вокруг Успенского кафедрального собора

Успенский собор города Владимира — Кафедральный собор Владимирской епархии и памятник архитектуры XII в., в котором сохранилась часть фрески знаменитых иконописцев Андрея Рублева и Даниила Черного «Страшный суд». Сразу после революции советская власть обрушила жестокие репрессии против религиозно значимой Владимирской епархии. В 1918 г. все духовные учебные заведения, в том числе и семинария, были закрыты[15]. Успенский собор был передан в ведение Главмузея Наркомпроса и в 1923 году он стал «храмом-музеем»[16]. Тем не менее, в то время советское правительство относительно мало внимания обращало на этот шедевр архитектуры и искусства. В «храме-музее» не было развернуто постоянной экспозиции, хотя временами в нем и устраивались отдельные выставки. По причине отсутствия бюджетных средств музей не мог заниматься необходимой реставрацией собора; до 1941 года у него не было возможности даже для оплаты постоянного сторожа.

После встречи политических вождей с церковными руководителями репрессии против РПЦ смягчились, и в марте 1944 года Успенский собор был снова передан общине верующих. Однако в это время собор находился в аварийном состоянии. Настоятель собора, священник Сергей Фестинатов (будущий архиепископ Онисим) описывает его состояние следующим образом:

15. Атлас современной религиозной жизни России//Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. Т. 2. М., СПб.: Летний сад, 2006. С. 122.

16. *Аксенова А.И.* Суздаль XX век. Владимир: «Посад», 2002. С. 68.

> (...) были поражены необычайной загрязненностью пола, стен алтарей, иконостаса... Было больно до слез видеть нашу общерусскую святыню в таком жалком состоянии и с разбитыми окнами[17].

В соответствии с договором о передаче собора, план и акт реставрации мог составлять только Комитет по охране памятников старины при городском исполкоме, а средства на проведение работ должна была изыскивать религиозная община. После передачи собора верующим владыка Онисим с большим трудом собрал необходимую сумму, и реставрация собора и фресок была завершена к 1954 году[18]. Из этого можно заключить, что одной из причин передачи собора церкви послужила возможнось его восстановления за счет церковных средств, поскольку к этому времени стремление реставрировать храм выказывали уже не только сами верующие, но и некоторые энтузиасты-ученые, в то время как власть не могла выделить бюджетные средства на реставрацию «культовых» памятников архитектуры и искусства.

В 1955 году, после того как завершились реставрационные работы, было принято решение включить собор в число достопримечательностей для показа зарубежным делегациям[19]. В связи с этим нельзя не обратить внимания на тогдашнее повышение интереса к иконописному наследию Андрея Рублева. В 1949 году постановлением Совета министров СССР был организован музей Андрея Рублева на территории Андроникова монастыря в Москве — в месте, где художник жил, творил и оставил свою последнюю роспись. По инициативе директора музея Д. И. Арсенишвили и сотрудника Н. А. Демина началась подготовка к торжественному празднованию 600-летия со дня рождения А. Рублева. Их замыслам содействовали авторитетные ученые-энтузиасты, например, искусствоведы М. Алпатов и Д. Лихачев, художник И. Грабарь, историк Н. Воронин. Статьи и монографии о Рублеве активно публиковались. В Большой Советской Энциклопедии появилась о нем статья, а музей Андрея Рублева, где экспонировались копии его работ, был открыт для широкой публики

17. *Тимофеева Т. П.* Архитектурно-реставрационная история Успенского собора//Владимиро-Суздальский Музей-Заповедник. №12. Владимир, 2006. С. 88.

18. *Минин С., Сидров А.* Сердце земли Владимирской: к истории передачи Церкви Свято-Успенского кафедрального собора//Свет невечерний. 2002. №. 3.

19. *Минин С. Н.* Очерки по истории Владимирской епархии (X — XX вв.). Владимир, 2004. С. 76. О восстановительных работах Успенского собора с 1944 по 1954 гг. см.: Там же. С. 77-82.

в 1960 году. Несмотря на хрущевскую антирелигиозную кампанию, творчество Рублева привлекало общественное внимание как символ «русского Возрождения» после победы в Куликовской битве и как одно из лучших достижений искусства, выразившее красоту человечества, гуманизм и дружеское единение людей[20]. В 1960-е годы был снят и фильм А. Тарковского о Рублеве[21].

После включения Успенского собора в число объектов Владимиро-Суздальского музея-заповедника, созданного в 1958 году, собор начали посещать большие группы туристов, и вновь встал вопрос о реставрации фресок, которые уже давно находились в аварийном состоянии.

К юбилею А. Рублева комиссия Академии Художеств СССР и Министерства культуры РСФСР осмотрела состояние фресок и пришла к заключению, что разрушение фресок стало результатом неправильной эксплуатации помещения собора общиной верующих. По мнению комиссии, сохранение фресок «может быть более полно обеспечено только в условиях музейного режима» и нужно подумать «об изъятии Успенского собора у общины верующих с предоставлением ей другого помещения»[22]. Верующие, наоборот, опасались, что «после передачи собора Главмузею ему будет грозить опасность скорого разрушения» из-за недостатка бюджета и недостаточно «любовного и благоговейного» отношения к святыне со стороны этого светского учреждения. В 1963 г. Владимиро-Суздальский архиепископ Онисим ходатайствовал перед Патриархом Алексием о помощи в сохранении собора. Позднее в том же году сельский и промышленный отделы Владимирского обкома партии просили идеологическую комиссию ЦК КПСС снова рассмотреть вопрос о передаче собора под юрисдикцию музея[23].

20. *Алпатов М.* Гениальный живописец древней Руси//Искусство. 1960. № 9. С. 52-53; *Демина Н.А.* Фрески Андрея Рублева во Владимире//Декоративное искусство. 1960. №. 8. С. 6; *Иванова И.* Андрей Рублев//Художник. 1960. № 9. С. 47; *Кузьмин Н.* Андрей Рублев//Новый мир. 1960. № 10. С. 210.

21. См. *Такахаси С.* «Андрей Рублев» А. Тарковского: Интерпретация русской истории в контексте советской культуры//Acta Slavica Iaponica. 2011. Vol. XXIX. P. 65-86.

22. ГА ВО. Ф. П-830. Оп. 3. Д. 709. Л. 12.

23. *Маслова И.И.* Эволюция вероисповедной политикой советского государства и деятельности Русской православной церкви 1953-1991 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук/ Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. С. 228; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 556. Оп. 25. Д. 154. Л. 140а-142.

В это время регистрацией религиозных объединений занимался Совет по делам религий при Совете Министров СССР (СДР). По мнению Совета, «в настоящее время нельзя ставить вопрос о закрытии Успенского собора»,[24] поскольку религиозная жизнь этого собора является очень активной (см. Приложение 1),[25] и «с историей Успенского собора (...) верующие связывают и вопросы государственности России». В июле 1966 г. председатель СДР В. Куроедов высказал следующее мнение:

> Владимирские областные организации несколько раз ставили вопрос о закрытии Успенского собора. Конечно, с точки зрения местных интересов это было благом: собор огромный, находится в центре города, он накладывает определенный отпечаток на жизнь города. Но этот собор является древнейшим, его знает весь православный мир не только в нашей стране, но и во всех других странах, поэтому его закрытие вызвало бы крайне отрицательную реакцию за рубежом, не говоря уже о том, что тысячи верующих были бы глубоко оскорблены этим актом[26].

| посещаемость богослужений верующими | |
|---|---|
| в будничные дни | от 80 до 150 чел. |
| в средние праздники | от 200 до 500 чел. |
| в воскресные дни | от 1500 до 2000 чел. |
| в большие праздники | от 2500 до 3500 чел |
| двунадесятые | от 4000 до 5000 чел. |
| в праздники пасхи | от 7000 до 8000 чел. |

Успенский собор не закрывался для религиозной общины. Однако Владимиро-Суздальский Музей-заповедник и областной Отдел культуры непрерывно стремились уменьшить права общины верующих на пользование собором. Ко второй половине 1960-х гг. посещаемость туристов в музей-заповедник резко повысилась (см. Приложение 2)[27]. На этом фоне данные государ-

24. ГА ВО. Ф. П-830. Оп. 3. Д. 1073. Л. 25.

25. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 29.

26. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 27.

27. Счет автором в соответствии с данными в Государственный архив российской федерации (ГА РФ). Ф. А-501. Оп. 1.

ственные учреждения распорядились оканчивать дневные службы к 10 часам, то есть ранее, чем это предполагалось церковными нормами, или перенести их в соседний Георгиевский придел вопреки согласованному обеими сторонами порядку[28]. В 1968 г. архиепископ Онисим послал рапорт Патриарху Алексию, что такого рода приказы очень нервируют прихожан и ему «кажется, что Уполномоченный наш по делам по религии т. Макаров А. И. индифферентно относится к жалобам прихожан на Дирекцию Музея, ущемляющему наши права на Успенский собор»[29].

посещаемость владимиро-суздальского музея-заповедника

| год | 1965 | 1966 | 1967 | 1968 | 1969 | 1970 | 1971 | 1972 | 1973 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| тыс.чел. | 84.9 | 82.6 | 481.7 | 750.1 | 834.3 | 790.7 | 856.6 | 839.1 | 922 |

В 1972–1973 гг., когда центральные организации и местные органы власти приняли решения заняться кардинальным ремонтом собора, реставраторы указали на необходимость временного переноса ежедневного богослужения в Георгиевский придел на период до 2 лет. Это решение вызвало крайнее волнение, подозрения и возмущение среди верующих. Они приходили к уполномоченному СДР по Владимирской области и заявляли следующее: «нас обманывают, все равно после ремонта собор передадут музею»; «если староста подпишет договор, то его повесят»; «мы поднимем верующих и не дадим прекращать службу в соборе»[30]. К лету 1974 года настроение протеста среди верующих усилилось: «В тюрьму пойдем, а не один придел собора не отдадим, нам тюрьма не страшна»; «стрелять вас будем, обратимся в американское посольство»[31]. Таких готовых к борьбе верующих насчитывалось до 30 человек.

Высшие на тот момент иерархи Церкви, т. е. Патриарх Московской и всея Руси Пимен (Извеков), Архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Кутепов), а также настоятель собора Д. Нецветаев, согласились с ремонтом. По генеральному договору религиозная община, являющаяся «заказчиком», должна была

28. Документы без нумерации Архив Владимирской Епархии. Рапорт Патриарху Алексею от архиепископа Владимиро-Суздальского Онисима от 3 апреля 1968 г. и др.

29. Там же.

30. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 68-69.

31. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 109.

заплатить за ремонт, и Московская патриархия согласилась выделить 400 тысяч рублей из своих средств[32]. В июле архиепископу Владимирскому и Суздальскому Николаю пришлось уговаривать исполнительный орган прихода: «Человек же, наделенный разумом, должен хранить то, что ему оставили его предки»[33]. В ответ архиепископ Николай услышал от верующей женщины: «Владыко, не вмешивайтесь в дела общины!»[34]. Священнослужители должны были проявлять лояльность к советской власти во Владимирской области, чтобы сохранять Церковь[35]. Однако, как мы уже видели выше, политика властей могла встретить протесты со стороны верующих.

При таких волнениях уполномоченный СДР по Владимирской области А. И. Макаров настаивал на мерах убеждения. Он считал необходимым «усилить разъяснительную работу среди населения, чтобы исключить факты проявления религиозного фанатизма среди части верующих. Владимирский ГК КПСС должен выделить группу опытных агитаторов-пропагандистов для работы с верующими»[36]. В конце концов, в 1974 г. Успенский собор закрылся, службы перенесли в Георгиевский придел, а в самом соборе была сделана крупная реставрация интерьера, продолжавшаяся до 1982 г.[37]

Однако после ремонта собора музей-заповедник снова старался ограничить деятельность религиозной общины, установив «инструкцию по эксплуатации Успенского собора». В соответствии с проектом инструкции, служба в соборе должна была проводиться в дни двунадесятых праздников и в воскресные дни с 7 до 9 часов утра и с 18 до 20 часов вечера. Экскурсионные группы должны были допускаться в собор ежедневно, кроме понедельника, в будние дни с 10 до 17 часов[38]. К тому же музей потребовал ограничить количество молящихся и запрещал применение любых свечей в соборе-памятнике.

32. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 103.

33. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 104.

34. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 112.

35. См. Атлас современной религиозной жизни России//Отв. ред. Бурдо М., Филатов С. Т. 2. С. 122.

36. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 1. Л. 109.

37. *Минин С. Н.* Страницы новейшей истории собора//Устремление в вечности: Патерик Свято-Успенкого кафедрального собора града Владимира. Владимир, 2008.

38. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 4. Л. 49.

Несправедливые требования музея не принимались верующими. Уполномоченный СДР по Владимирской области А. Макаров указывал на то, что инструкция не учитывает предыдущие договора с исполнительным органом, т. е. пренебрегает правами верующих людей[39]. После долгого обсуждения утвердили инструкцию, которая расширяла рамки использования собора общиной[40]. Споры между собранием прихода и музеем-заповедником продолжались через посредничество уполномоченного СДР, который, судя по документам, пытался решить вопросы, чтобы, с одной стороны, «сохранить этот уникальный памятник, а с другой — не ущемлять прав верующих людей»[41].

В борьбе за Успенский собор верующие опирались на мнение «двадцатки» и «исполоргана», независимое от мнения епархиального архиерея, и могли просить о помощи, направляя свои ходатайства непосредственно в СДР. В этих документах употребляются такие слова как «арест», «тюрьма» и т. д., которые свидетельствуют, что их авторы воспринимали отношение власти к церкви как репрессивное и принудительное. При этом они не боялись наказания со стороны властей, хотя и неизвестно, что они думали о возможности таких репрессий. Правда, СДР не стремился ни запрещать, ни уничтожать религиозную деятельность верующих вообще. Напротив, Совет придавал большое значение индивидуальной и разъяснительной работе. Таким образом, мы можем заключить, что группы верующих имели возможность выражать свои желания без опасности ответных административных мер, поскольку они действовали в рамках легальных организаций.

## «Так называемое святое место»: добровольное религиозное действие в атеистическом обществе

Осознание себя преемниками истории и традиций Древней Руси позволяло жителям Владимирской области сохранять относительно высокую религиозность, особенно в сельских районах. Здесь атеистическая работа проводилась весьма формально, да и областные органы относились к этим проблемам равнодушно.

39. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 4. Л. 54.

40. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 4. Л. 61. В соответствие с новой инструкцией «служба в соборе проводится в дни двунадесятых праздников и в воскресные дни с 9 до 12 часов и с 18 часов».

41. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 2. Д. 4. Л. 54.

Новым явлением стало то, что начиная 60-х годов советское правительство попыталось внедрить «социалистические обряды» и «новые традиции» вместо религиозных обрядов[42]. В 1968 г. при проверке обкомом ВЛКСМ атеистической работы в Вязниковском районе, расположенном в восточной части Владимирской области, выяснилось, что зарегистрировано в соответствии с «новыми традициями» было всего 51 % новорожденных и 65 % новобрачных. Новые гражданские ритуалы проводились нередко без должной подготовки, не величественно, неинтересно. В докладе было признано, что «не случайно, что после таких “торжеств” родители часто несут своих детей крестить в церковь»[43]. Например, в поселке Мстера из 55 детей, зарегистрированных официально, 26 были затем крещены в церкви.

Нередко происходили также случаи крещения своих детей комсомольцами и членами партии. В 1969 г. член бюро райкома ВЛКСМ на вопрос: «Почему не приняли мер к комсомольцам, крестившим своих детей в церкви?», ответила: «А стоит ли это делать, ведь в Уставе ВЛКСМ об этом нигде не написано»[44].

Таким образом, в сельской местности сохранилась высокая религиозность, при этом распространилось формальное отношение к новым традициям в духе «научного атеизма». Для многих людей проведение официальных советских ритуалов не противоречило поведению в соответствии с религиозными традициями. О религиозности местного населения свидетельствует также возникновение святых мест, которые в официальных документах были упомянуты как «так называемые святые места». В соответствии со справкой СДР во Владимирской области насчитывалось девять таких «мест»[45]:

1. Церковь Покрова на Нерли Владимирского района.
2. Берег р. Клязьма в г. Владимир (Праздник «крещение»).
3. «Святой ключик» в с. Григорово Ляховского района.
4. «Святой ключик» в г. Меленки.
5. «Святой ключик» в с. Черсево Гусь-хрустального района.
6. Родник под названием «три ключика», расположен около недействующей часовни в Гусь-хрустальном.

42. См. *Lane C.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society, the Soviet Case. Cambridge University Press, 1981.

43. ГА ВО. Ф. П-830. Оп. 67. Д. 130. Л. 3.

44. ГА ВО. Ф. П-830. Оп. 67. Д. 130. Л. 30.

45. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 5. Д. 14. Л. 23-25.

7. Родник, расположенный на берегу Оки в г. Муроме.

8. Дом Суздальской монахини Агриппины Солокловой в с. Клины, Юрьев-Польского района.

9. Могила «святого Абрама (Григория)» на кладбище с. Синжаны Меленковского района.

Все святые места, кроме «Дома Агриппины», были связаны с водой, у которой люди праздновали Крещение и День Святой Троицы. Народу собиралось от нескольких десятков до нескольких сотен. Интересно, что некоторые святые места явно возникли в советский период, в отличие от мест, которые народ почитал по традиции. Одно из таких новых мест появилось вблизи села Синжаны Меленковского района. В 1943 г. в селе скончался старец Абрам (Григорий), о котором сообщалось, что он — «слепец от рождения, зиму и лето ходит с открытой головой, босой с отвалившимися от мороза пальцами на ногах». По традиции «простого русского народа» жители села усмотрели в его афористических высказываниях и поведении нечто «загадочное и вообще склонное к юродству», а самого его решили «окружить ореолом подвижника и богоугодного»[46]. Судя по этим сведениям, жители окружающей сельской местности почитали старца как «юродивого». Понятие юродивого/юродивой ради Христа, или блаженного/блаженной относится к людям, отказавшимся от разума ради веры, от материальных благ, от отношений с семьей и родственниками и странствующим босиком в лохмотьях. С XIV по XVI вв. РПЦ канонизировала таких верующих, поэтому юродство обычно считается явлением, характерным для средневековой Руси[47].

Абрам (Григорий) родился в 1868 г. в бедной крестьянской семье в д. Лощинино Рязанской Губернии. В детстве он приехал в город Меленки и странствовал по этому краю, а затем признал село Синжаны «землей Израильской» и остался в нем навсегда. Его звали Абрам, однако перед смертью он завещал, чтобы отпевали его Григорием — его крестильным именем.

Последние пять лет своей жизни Григорий жил у Анны, которая была известна своем благочестием, и давал посетителям предсказания в форме баснописного повествования. Современные

46. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 5. Д. 14. Л. 5.

47. Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 3/Под ред. С.С. Аверинцев, А.Н. Мешков, Ю.В. Попов. М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1995. С. 286-287.

жители села вспоминают, что дедушка Григорий предсказывал не только женитьбу девушкам, возвращение сыновей с фронта, но и отречение последнего царя от престола, а также изменение положения страны в мире после Холодной войны. К сожалению, не сохранилось письменных материалов о Григории, однако местные люди сохранили свои воспоминания о нем, и одна женщина собрала их после 2001 г. Сегодня распечатанный вариант этого материала хранится в Городском музее г. Меленков[48]. В нем вполне вероятные сведения и факты соседствуют с явными фантазиями, такими, например, как встреча Григория с Николаем II. В данной статье мы используем этот текст наряду с собственными интервью с жителями села и архивными материалами.

После смерти Григория народ начал собираться у его могилы в день его памяти 18 июля. По материалам уполномоченного СДР по Владимирской области, ежегодно собирались 100-150 человек. «Местные власти запретили эти сборы, за исполнением сего имеется надзор местной милиции», — сообщается в справке СДР[49]. Однако собрания не прекратились.

В эти годы в селе не было действующей церкви и священника. Если жители и приглашали батюшек, то они играли в почитании Григория минимальную роль. Люди отпевали Григория по церковным обрядам, звали священника, однако священники не поддерживали эту инициативу и не участвовали в собраниях на его могиле. Местная пенсионерка А. Захарова как староста села взяла на себя инициативу по проведению религиозных мероприятий, в том числе молитвенного собрания на могиле Григория. В 1972 г. местные органы приняли меры, вызвав ее на заседание административной комиссии райисполкома, где «за ее незаконные действия подвергли штрафу и строго предупредили»[50]. После ее «ареста» в отчетах уполномоченному СДР с 1974 г. по 1979 г. докладывалось, что массовое собрание у могилы «не состоялось», только несколько женщин преклонного возраста «пришли неорганизованным порядком»[51].

В других святых местах местные власти устраивали «народные гуляния» и тому подобные праздники в день предполагавшего-

48. Жизнеописание праведного Григория Синжанского. Краеведческий музей Меленковского района.

49. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 5. Д. 14. Л. 5.

50. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 5. Д. 14. Л. 7.

51. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 5. Д. 14. Л. 8-12.

ся собрания верующих. В Синжанах, по воспоминаниям местных жителей, в дни собраний вокруг кладбища стояли наряды милиции и кружили трактора[52].

Спонтанное проявление почитания «святых» несколько напоминало языческие и «сектантские» собрания. На официальном уровне мероприятия в духе официального научного атеизма подкреплялись «административными мерами», то есть арестами, допросами, физическим вмешательством в жизнь верующих и т. д. Одновременно, проявления веры вне контроля Церкви и Совета считались нарушением законодательства о культах, а инициаторы — фанатиками, которые должны подвергнуться наказанию.

Только после распада Советского Союза в народе возникли новые легенды о событиях тех лет и своего рода «жития святых». Сейчас епархиальная комиссия готовит документы к прославлению старца Григория в лике местночтимых святых. Несмотря на то, что в советские годы его жизнь была окутана тайной, в постсоветской деревне стали собирать материалы о его жизни, которые были напечатаны в районном центре Меленки. Теперь не только из ближайших населенных пунктов, но и из Москвы и других городов едут почитатели на его могилу. Недалеко от могилы был создан «святой родник».

## Заключение: два типа религиозного поведения

Когда верующие люди вспоминают о советском времени, они часто упоминают такие явления как массовые закрытия церквей и оказываемое на них давление, призванное уменьшить роль религии в общественной жизни. Религиозные обряды, вера в святых, ношение крестов и икон представлялись типичным поведением невежественных и маргинальных для общества людей, таких, к примеру, как малообразованные пожилые женщины. Советская власть внимательно следила за подобным поведением за и вне церковной ограды.

В то же время в советском обществе послевоенного периода наблюдался рост роли Церкви во внешней и внутренней политике. Пример Успенского собора показывает, как высшая церковная власть, в том числе и в лице ее архиерея, пыталась сохранить влияние Церкви, сотрудничая с государственными организация-

52. Интервью автора с местными жителями 18.07.2010 в селе Синжаны Меленковского района Владимирской области.

ми. С другой стороны, Совет по делам религии, в свою очередь, поддерживал некоторые церковные инициативы, чтобы контролировать Церковь в рамках действовавших законов. Отдельные личности могли нарушать этот баланс сил, потому что им было важно отправление личных религиозных потребностей, а не сохранение церковного влияния. Особенно это касалось тех, кто не нуждался в официальной позиции в обществе (вопросы поступления в вузы, хорошей зарплаты, карьерного роста и социальных привилегий) и потому не боялся противопоставлять себя власти.

Пример поведения верующих с. Синжаны имеет много общего со случаем с «фанатиками» в Успенском кафедральном соборе. Однако любые собрания верующих вне церкви подвергались административным преследованиям в силу их нелегальности. Иными словами, в селе Синжаны верующие люди пострадали сильнее, чем члены общины Успенского собора. Примеры, приведенные нами, показывают, что многие верующие люди не меняли своих убеждений и поведения в зависимости от ситуации. В отличие от них власть следовала политике двойных стандартов, дифференцируя официальное и неофициальное религиозное поведение. Пока люди не выходили за рамки, дозволяемые властями, они имели определенную степень «свободы совести», тогда как вне этих рамок применялись строгие меры наказания. Такое парадоксальное отношение к религии в советской политике является одной из причин, по которым общество позднего социализма производит впечатление двойственности.

## Библиография

*Архивные материалы*

Архив Владимирской Епархии.

Рапорт Патриарху Алексею от архиепископа Владимиро-Суздальского Онисима от 3 апреля 1968 г.

Государственный архив Владимирской области (ГАВО).

Ф. Р-632 (Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Владимирской области).

Ф. П-830 (Владимирский обком КПСС).

Государственный архив российской федерации (ГА РФ).

Ф. А-501 (Министерство культуры РСФСР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 556 (Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956-1966)).

Краеведческий музей Меленковского района.

Жизнеописание праведного Григория Синжанского.

*Литература*

Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 3/Под ред. С. С. Аверинцев, А. Н. Мешков, Ю. В. Попов. М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1995.

*Аксенова А. И.* Суздаль XX век. Владимир: «Посад», 2002.

*Алпатов М.* Гениальный живописец древней Руси//Искусство. 1960. №. 9. С. 52-58.

*Аринин Е. И.* Вопрос о происхождении и современном развитии российского религиоведения//Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. №1. С. 93-97.

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2//Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М., СПб.: Летний сад, 2006.

Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения/Сост. и общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Ч. 1-4: Институт научного атеизма — Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. М.: ИД «МедиаПром», Изд-во РАГС, 2009.

*Демина Н. А.* Фрески Андрея Рублева во Владимире//Декоративное искусство. 1960. №. 8. С. 5-9.

*Иванова И.* Андрей Рублев//Художник. 1960. №. 9. С. 46-50.

Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России/Под ред. К. Каариайнен, Д. Фурман. М., СПб.: Летний сад, 2007.

*Костылев П. Н.* Российское религиоведение: вчера, сегодня, завтра (материалы Международной научной конференции «Свобода религии и демократии: старые и новые вызовы», Киев, август 2010 г.) (http://www.religiopolis.org/documents/850-pn-kostylev-rossjskoe-religiovedenie-vchera-segodnja-zavtra-materialy-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferentsii-svoboda-religii-i-demokratii-staryе-i-novye-vyzovy-kiev-avgust-2010.html).

*Кузьмин Н.* Андрей Рублев//Новый мир. 1960. №. 10. С.204-210.

*Маслова И. И.* Эволюция вероисповедной политикой советского государства и деятельности Русской православной церкви 1953-1991 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук/Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005.

*Минин С., Сидров А.* Сердце земли Владимирской: к истории передачи Церкви Свято-Успенского кафедрального собора//Свет невечерний. 2002. №. 3.

*Минин С. Н.* Очерки по истории Владимирской епархии (X — XX вв.). Владимир, 2004.

*Минин С. Н.* Условия, определяющие формирование и деятельность религиозных сообществ Владимирского края//Свеча-2010: Материалы международной конференции. Владимир, 2010. С.222-230.

*Смирнов М. Ю.* Очерк истории российской социологии религии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008.

Собрание постановлений правительства РСФСР. М., 1967.

Собрание постановлений правительства СССР. М., 1967.

*Такахаси С.* «Андрей Рублев» А. Тарковского: Интерпретация русской истории в контексте советской культуры//Acta Slavica Iaponica. 2011. Vol. XXIX. P. 65-86.

*Тимофеева Т. П.* Архитектурно-реставрационная история Успенского собора//Владимиро-Суздальский Музей-Заповедник. № 12. Владимир, 2006. С. 87-95.

Народы России: Атлас культур и религий/Отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.А. Казьмина. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008.

Устремление в вечности: Патерик Свято-Успенского кафедрального собора града Владимира. Владимир, 2008.

*Цыпин В.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды 1700–2005. М.: Издание Сретенского монастыря, 2006.

*Шахнович М.М.* Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006.

*Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.

*Юрчак А.* Поздний социализм и последнее советское поколение//Неприкосновенный запас. 2007. №. 2 (52). (http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ur7.html).

*Casanova J.* Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

*Lane C.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society, the Soviet Case. Cambridge University Press, 1981.

*Powell D.E.* Antireligious Propaganda in the Soviet Union: A Study of Mass Persuasion. Cambridge: The MIT Press, 1975.

*Smolkin-Rothrock V.* Cosmic Enlightenment: Scientific Atheism and the Soviet Conquest of Space//Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture in Post-Stalinist Russia. University of Pittsburgh, 2011.

*Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton University Press, 2006.